

Барбара Энгель

Женщины в России

1700 - 2000

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

ИСТОРИЯ

Барбара Энгель
Женщины в России. 1700–2000
Серия «Современная
западная русистика /
Contemporary Western Rusistika»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68911563

*Женщины в России. 1700—2000: Academic Studies Press / Библиороссика;
Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-907532-56-4*

Аннотация

В своем исследовании Барбара Энгель обращается к голосам отдельных людей, чтобы показать, как российские женщины из различных социальных слоев были затронуты историческими изменениями и, в свою очередь, сами влияли на историю. Использование в исследовании женской оптики дает свежую интерпретацию прошлого России и позволяет лучше понять, как на протяжении веков менялись отношения пола и власти.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Слова благодарности	5
Примечание о датах	7
Хронология	8
Введение	21
Глава 1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Барбара Энгель

Женщины в

России. 1700–2000

Инне Ратнер и Сергею Бобаеву, моей русской семье, с любовью и благодарностью

Barbara Engel
A History of Russian Women
1700–2000

© Barbara Engel, text, 2004

© Cambridge University Press, 2004

© О. Полей, перевод с английского, 2022

© Academic Studies Press, 2022

Слова благодарности

Перечислить всех, у кого я осталась в интеллектуальном долгу за то время, пока задумывалась и писалась эта книга, просто невозможно. Она – результат не только моей собственной работы с главными и побочными источниками, но и постоянного обмена информацией: в ее основу легли десятилетия бесед с коллегами и друзьями; научные статьи, представленные на конференциях; ответы на мои статьи, а также ценные критические замечания коллег, которым я присылала на отзыв плоды своих многолетних трудов. Более 30 лет изучения истории женщин России, истории женщин других стран и женских исследований также оказали самое разнообразное влияние на мои суждения.

В связи с ограниченностью места, а также со слабостью памяти, я упомяну здесь лишь тех, кто внес свой вклад в работу над этой конкретной книгой. Я благодарю сотрудников Славянского отделения Публичной библиотеки Нью-Йорка, фотографического отдела Библиотеки Конгресса, собрания славянской литературы библиотеки Хельсинкского университета, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива города Москвы за помощь в получении документов и иллюстраций. Я очень благодарна Линдси Хьюз, Гейл Варшовски Лапидус, Лерою Му-

ру, Рональду Григору Суни, Нине Тумаркин, Уильяму Вагнеру и Кристин Воробек за чтение рукописи, целиком или в отрывках, что принесло огромную пользу. Спасибо также Виктории Боннелл за любезное разрешение на перепечатку нескольких плакатов. Наконец, я благодарю студентов группы 3713, изучавших историю в весеннем семестре 2002 года, и в особенности Кристофера Эсбери, Уильяма Хейберфельда, Мэттью Хикса и Майка Крепса за их честные и вдумчивые отклики на эту книгу на начальных этапах работы. Это помогло улучшить конечный результат и, надеюсь, сделать его более доступным для читателей. Разумеется, за любые ошибки в фактах или интерпретациях несу ответственность только я.

Примечание о датах

До февраля 1918 года русский календарь отставал как от западного, так и от современного русского календаря на 13 дней. Я привожу даты согласно стилю, принятому во время описываемых событий.

Хронология

1675 год. Арест боярыни Феодосии Морозовой.

1682–1689 годы. Регентство Софьи Ивановны.

1689–1725 годы. Правление Петра Великого (Петра I).

1689 год. Женильба Петра на Евдокии Лопухиной.

1699 год. Заточение Евдокии в монастырь.

1701 год. Закон «О ношении немецкого платья».

1702 год. Закон о шестинедельном периоде между обручением и венчанием.

1712 год. Петр женится на своей любовнице, будущей Екатерине I, урожденной Марте Скавронской.

1712, 1714, 1715 годы. Создание приютов для незаконнорожденных детей.

1716 год. Законодательное изгнание «блудниц» из полков.

1718 год. Указ о совместном присутствии мужчин и женщин на ассамблеях.

1721 год. Развод становится формальной процедурой.

Церковные правила запрещают женщинам моложе 50 лет пострижение в монахини.

Женщин, уличенных в «распутном поведении», приговаривают к промышленным работам.

1722 год. Принудительные браки запрещаются законом.

1725–1727 годы. Правление императрицы Екатерины I.

1727–1730 годы. Правление императора Петра II.

1730–1740 годы. Правление императрицы Анны Иоанновны.

1731 год. Отмена закона об одиночном наследовании, расширение прав собственности для дворянок, а впоследствии и для женщин других сословий.

1736 год. Императрица Анна приказывает бить плетью «непотребных женок и девок».

1740–1741 годы. Правление императора Иоанна VI Антоновича.

1741–1761 годы. Правление императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого.

1750-е годы. Открываются акушерские школы.

1753 год. Сенат утверждает право дворянок владеть собственностью.

1761–1762 годы. Правление императора Петра III.

1762 год. Указ об отмене обязательной государственной службы для дворян.

1762–1796 годы. Правление императрицы Екатерины Великой.

1764 год. Церковные земли конфискуются, сокращается количество женских и мужских монастырей.

Основан Смольный институт.

В Москве основан Императорский воспитательный дом.

Основана больница для принудительного содержания женщин «непотребного поведения».

1771 год. В Санкт-Петербурге основан Императорский воспитательный дом

1779 год. Выпускается первый журнал для женщин – «Модное ежемесячное издание».

1783 год. Екатерина Дашкова становится директором Академии наук, основывает Российскую академию и становится ее президентом.

1785 год. В Санкт-Петербурге основан Императорский клинический повивальный институт.

1786 год. Выходит указ об основании начальных и средних школ для девочек.

1787 год. М. М. Щербатов публикует памфлет «О повреждении нравов в России».

1793 год. Срок армейской службы сокращается до 25 лет.

1796–1801 годы. Правление императора Павла I.

1796 год. Императрица Мария Федоровна принимает шефство над Смольным институтом.

1797 год. Император Павел принимает новый закон о престолонаследии, лишаящий женщин права наследовать трон.

1800 год. Император Павел приказывает отправлять проституток на принудительные работы на фабриках.

1801–1825 годы. Правление императора Александра I.

1801 год. Основан Московский повивальный институт.

1810 год. Опубликована автобиография Наталии Долгоруковой – первая женская автобиография на русском языке.

1812 год. Войска Наполеона вторгаются в Россию.

Основание Женского патриотического общества.

1825 год. Восстание декабристов.

Жены и сестры дворян-бунтовщиков едут за ними в ссылку.

1825–1855 годы. Правление императора Николая I.

1834 год. Сокращение срока армейской службы до 20 лет.

1843 год. Православная церковь основывает начальные школы для дочерей духовенства.

1853–1856 годы. Крымская война; женщины добровольно отправляются на фронт сестрами милосердия.

1855–1881 годы. Правление императора Александра II.

1856 год. Н. И. Пирогов публикует книгу «Вопросы жизни». Н. А. Добролюбов публикует статью «Темное царство».

1858 год. Учреждены женские гимназии и прогимназии.

1859 год. Анна Filosofova, Надежда Стасова и Мария Трубникова основывают Общество дешевых квартир. Женщины начинают посещать университетские лекции.

1859–1862 годы. Начинает выходить «Рассвет» – первый толстый журнал для женщин.

1861 год. Отмена крепостного права.

Ученые Медико-хирургической академии открывают лаборатории для женщин.

1863 год. Н. Год. Чернышевский публикует роман «Что делать?». После студенческих демонстраций женщинам запрещают посещать лекции в университетах.

1864 год. Земская реформа.

Судебная реформа.

Женщин исключают из Медико-хирургической академии.

1867 год. Надежда Сулова получает диплом врача в Цюрихе.

1868 год. Варвара Кашеварова-Руднева получает диплом врача в России и дает клятву посвятить свою жизнь помощи мусульманкам.

1869 год. Открываются Аларчинские и Лубянские женские курсы.

1871 год. Издано высочайшее повеление, регламентирующее условия работы для образованных женщин.

1872 год. Открыты Высшие женские курсы В. И. Герье. В Санкт-Петербургской медико-хирургической академии открыты курсы для подготовки «ученых акушерок».

1873 год. Издан правительственный указ, предписывающий женщинам, обучающимся за границей, вернуться в Россию.

1874 год. Софья Ковалевская становится первой женщиной в Европе, получившей степень доктора философии.

Возникает революционное молодежное движение «Хожение в народ».

1876 год. Курсы для подготовки ученых акушерок становятся Высшими женскими медицинскими курсами.

Высшие женские курсы открываются в Казани.

1878 год. Высшие женские курсы открываются в Киеве и Санкт-Петербурге (Бестужевские курсы).

Вера Засулич стреляет в губернатора Трепова.

1881 год. Софья Перовская, руководившая убийством Александра II, повешена.

Смертный приговор Геси Гельфман заменен на пожизненные каторжные работы в связи с ее беременностью.

1881–1894 годы. Правление императора Александра III.

1882 год. Высшие женские медицинские курсы прекращают прием новых студенток.

1883 год. Софья Ковалевская становится первой женщиной, занявшей университетскую должность (в Стокгольме).

1885 год. Запрет ночных смен для фабричных работниц.

1886 год. Закрываются Высшие женские курсы, за исключением Бестужевских курсов, вновь открытых в 1889 году.

1887 год. Закрываются Высшие женские медицинские курсы.

1892 год. Публикация дневника Марии Башкирцевой.

1894–1917 годы. Правление императора Николая II.

1894 год. Учреждение Городского попечительства о бедных.

1895 год. Учреждение Русского женского взаимно-благотворительного общества.

1895–1898 годы. Крупные забастовки работниц табачных и текстильных фабрик.

1897 год. Открывается Женский медицинский институт.

Городские власти Санкт-Петербурга запрещают учительницам выходить замуж.

1899 год. Основание Российского общества защиты женщин.

1900 год. Образована первая женская громада.

1900–1901 годы. Вновь открываются курсы Герье.

1903 год. В Одессе открывается педагогический институт.

1903–1910 годы. Издается «Алем-и нисван» («Женский мир») – женский мусульманский журнал.

1904–1917 годы. Издается журнал «Женский вестник».

1905 год. Кровавое воскресенье вызывает массовые беспорядки. Появляются женские организации: Всероссийский союз равноправия женщин, Женская прогрессивная партия, Лига равноправия женщин.

Состоялся первый женский политический митинг.

Октябрьский манифест дает мужчинам право голоса.

1906 год. Женщины Финляндии получают право голоса. Образование женских лиг среди балтийских немцев.

1906–1910 годы. Новые женские курсы открываются в городах по всей империи.

1908 год. Собирается Всероссийский женский конгресс.

1911 год. Женщины получают право поступать в высшие учебные заведения, а выпускницы высших курсов – право претендовать на университетскую степень.

1911–1913 годы. Издается «Ишыг» (азерб. «Свет») – мусульманский женский журнал.

1914 год. Закон предоставляет замужним женщинам пра-

во иметь собственный внутренний паспорт.

1914 год. Начало Первой мировой войны.

Основан большевистский журнал «Работница».

1915 год. Начинаются голодные бунты.

1917 год. Демонстрации в честь Международного женского дня становятся началом революции.

Царь Николай II отрекается от престола.

Создано Временное правительство.

Женщины получают право работать адвокатами и равные с мужчинами права на государственной службе.

Женщины старше 20 лет получают избирательные права.

Женщины в рекордных количествах идут в армию.

Солдатские жены проводят демонстрации и формируют союзы.

Домашняя прислуга объединяется в профсоюзы.

Забастовка прачек и работниц красильных фабрик.

Большевики во главе с В. И. Лениным захватывают власть.

1918–1921 годы. Гражданская война.

1918 год. Принят новый Семейный кодекс.

Женщины Центральной Азии получают право на развод по советскому законодательству.

Собирается Первый Всероссийский съезд трудящихся женщин.

1919 год. Утвержден Женотдел; Инесса Арманд становится его первой заведующей.

1920 год. Аборт становится легальным при условии, что его проводит врач.

1921 год. Вводится Новая экономическая политика (НЭП).

1921–1923 годы. В мусульманских регионах запрещается многоженство, калым и брак без согласия невесты.

1922 год. Земельный кодекс уравнивает правовое положение женщин в крестьянских хозяйствах.

1923 год. Легализована контрацепция.

1924 год. Умирает В. И. Ленин.

И. В. Сталин начинает путь к власти.

1926 год. Вводится новый Семейный кодекс, еще больше упрощающий развод.

1927 год. Начинается кампания «Худжум».

1929 год. Вводится карточная система. Принят первый пятилетний план.

Начинается коллективизация и раскулачивание.

1930 год. Женотдел упразднен.

1932 год. Надежда Аллилуева, вторая жена Сталина, кончает жизнь самоубийством.

1932–1933 годы. Голод.

1933 год. Принят второй пятилетний план.

Закрываются азербайджанские женские клубы.

1934 год. Убит С. М. Киров.

Гомосексуальность становится уголовным преступлением.

1934–1941 годы. Движение общественниц.

1935 год. Угольщик Алексей Стаханов устанавливает производственный рекорд.

Карточная система отменена.

1936 год. Новый Семейный кодекс ограничивает разводы; запрещает аборты, кроме как для спасения жизни матери; вводит льготы для матерей; контрацептивы исчезают из продажи.

Открытие первого советского Дома мод.

1936–1938 годы. Массовые аресты и репрессии, от которых страдают в первую очередь и главным образом члены партии и представители интеллигенции.

1938 год. Валентина Гризодубова, Марина Раскова и Полина Осипенко устанавливают мировой рекорд дальности полета.

1939 год. Советско-нацистский пакт о ненападении.

1940 год. Война с Финляндией.

1941 год. 22 июня Германия вторгается в СССР.

Блокада Ленинграда; угроза Москве.

Вводится драконовское трудовое законодательство.

Заново вводится карточная система.

Создаются женские авиационные полки.

1942 год. Женщин начинают официально принимать на армейскую службу.

1943 год. 800 000 женщин воюют в вооруженных силах и в партизанских отрядах.

В городских школах отменяется совместное обучение.

1944 год. Новый Закон о семье еще сильнее ограничивает разводы, стигматизирует незаконнорожденных детей, накладывает штрафы на одиноких женщин и бездетные пары; вводятся медали за материнство.

1945 год. Окончание Великой отечественной войны.

Большинство женщин-военных демобилизовано.

1947 год. Карточная система отменена.

1953 год. Смерть Сталина.

Никита Хрущев начинает путь к власти.

1954–1961 годы. Публикации, посвященные семейной и частной жизни, впятеро вырастают в числе.

1955 годы. Аборты легализованы.

1956 год. Хрущев произносит «секретную речь», в которой раскрывает часть преступлений Сталина.

1957 год. Екатерина Фурцева назначена министром культуры. Запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

1959 год. В Москве открывается Американская национальная выставка.

1960 год. Число аборт в европейской части России начинает превышать число рожденных младенцев.

1961 год. Екатерина Фурцева снята с должности. СССР отправляет Юрия Гагарина в космос.

1963 год. Валентина Терешкова становится первой женщиной в космосе.

1964 год. Отставка Хрущева.

Приход к власти Л. И. Брежнева.

1965 год. Процедура развода упрощается.

1968 год. Новый Закон о семье предусматривает возможность иска об установлении отцовства.

1969 год. Наталья Баранская публикует повесть «Неделя как неделя».

1979 год. В самиздате выходит альманах «Женщины и Россия».

1982 год. Смерть Л. И. Брежнева, а вскоре вслед за ним – Ю. В. Андропова и К. У. Черненко.

1985–1991 годы. М. С. Горбачев становится главой СССР и претворяет в жизнь гласность и перестройку.

1986 год. Взрыв на Чернобыльской АЭС.

1987 год. Комитет советских женщин критикует политику партии.

В киосках появляются иностранные модные журналы.

1988 год. Проводится «Мисс Москва» – первый конкурс красоты в СССР.

1989 год. Образование Комитета солдатских матерей. Статья «Как мы решаем “женский вопрос”» в журнале «Коммунист».

1990 год. Ежегодник «Женщины в СССР» сообщает о тяжелом положении советских женщин.

Основание Московского центра гендерных исследований.

1991 год. Вновь вводится карточная система. Крах СССР.

1991–2000 годы. Растет женская безработица; снижается продолжительность жизни мужчин и женщин; растет детская смертность.

Появляются новые возможности для создания организаций.

Женские образы становятся разнообразнее.

Введение

Возрождение женского движения в конце 1960-х годов вызвало новую вспышку интереса к женщинам России и СССР, что, в свою очередь, подтолкнуло историков к попыткам найти информацию о женщинах, обойденных вниманием в более ранних работах по российской и советской истории. В 1978 году Ричард Стайтс опубликовал монументальное новаторское исследование, охватывающее обширные участки этой области, которую другие историки позже стали изучать более детально и с разных точек зрения [Stites 1990].

Некоторыми представителями этой когорты ученых, в том числе и мной, руководили не только интеллектуальные, но также личные и политические мотивы. Феминизм побудил женщин-историков изучать наше прошлое – женское прошлое, рассказывать *herstory*¹, «женскую историю». Задав целью скорректировать предвзятость мужского взгляда, которой отличались предшествующие источники, мы рылись в архивах и публикациях в поисках следов женского опыта, старались расслышать не звучавшие до сих пор женские голоса. К обычным вопросам историков эта феминистская когорта добавила новые, касающиеся власти мужчин

¹ По аналогии с англ. *history*; игра слов *he-her*. – *Примеч. ред.*

над женщинами и ее влияния на женские идеи и опыт. Мы исследовали природу и источники патриархальной власти и то, как принадлежность к женскому полу определяла выбор и занятия женщин. Большая часть этих первоначальных исследований была посвящена либо женщинам из среды интеллигенции, либо попыткам большевиков эмансипировать женщин после 1917 года – не только вследствие существенной важности этих тем как таковых, но и потому, что они оставили после себя сравнительно доступный для изучения след в письменных источниках.

Однако по мере того как развивалось это направление исследований и расширялся его фокус, вопросы и методы становились все разнообразнее. Распад Советского Союза вызвал новые вопросы – например, об уникальности российского и советского опыта, а открытие бывших советских архивов сделало более доступными свидетельства, необходимые ученым для поисков ответов на эти новые вопросы. Обширная база научных знаний, накопленная за последние три десятилетия, и позволила мне написать эту книгу.

И все же эта задача оказалась пугающе сложной. Главная сложность заключалась в необычайном многообразии народов Российской империи, вследствие чего трудно было говорить о *русских женщинах* – этого термина я обычно стараюсь избегать. Какие-то различия насаждались сверху. Начиная с царствования Петра Великого (1689–1725) и вплоть до 1917 года российское общество формально было органи-

зовано не по классовому, а по сословному принципу. Дворянам социальное происхождение давало привилегии: право владеть землей и – до 1861 года – крепостными крестьянами, а также освобождение от подушного налога и от телесных наказаний. Для крестьян же и для простых горожан социальное происхождение влекло за собой определенные повинности, в частности обязанность платить подушный налог, поставлять рекрутов для армии и рабочую силу для нужд государства, а также подвергаться телесным наказаниям за преступления и правонарушения. Существовали и другие сословия, в том числе купечество, духовенство и категория разночинцев – образованных и полуобразованных людей, число которых росло по мере модернизации России. Даже после того, как социальная структура России усложнилась, и все бóльшую роль в формировании образа жизни и идентичности людей начала играть принадлежность к тому или иному классу, эти формальные разграничения оставались незыблемыми. Другие различия возникли в результате имперских завоеваний России, втянувших на орбиту империи людей разных национальностей, религий и образа жизни. К концу XVIII века в числе российских женщин были и оленеводки-анимистки с Севера, и мусульманские женщины-кочевницы из степей Средней Азии, и еврейки из местечек, и татарки из приволжских деревень и городов, и немки из Балтийского региона, и многие, многие другие. Советское государство, стремившееся полностью переkreить социальный порядок, оставило эт-

ническое разнообразие империи практически нетронутым. На протяжении большей части периода, рассматриваемого в этой книге, идентичность большинства женщин определялась принадлежностью к той или иной социальной и этнической группе по крайней мере в той же степени, что и их гендером.

Никакая книга не могла бы вместить в себя столь многогранную историю. Я решила даже не ставить перед собой такую задачу. Отчасти на такое мое решение повлияли исследовательские интересы других ученых в этой области. Много уже написано, к примеру, о женщинах элиты, образованных женщинах, а также крестьянках имперского периода, в то время как о жизни женщин городских сословий царской России (купчих и мещанок) и духовенства публикаций до сих пор очень мало. Только недавно начали появляться исследования, посвященные женскому религиозному опыту и культуре, – чрезвычайно важной составляющей в жизни многих женщин. Что касается женщин, принадлежавших к этническим меньшинствам империи, то эта область исследований еще менее разработана – лишь еврейский народ представляет собой некоторое исключение. Очень мало мы знаем о жизни женщин малых городов и регионов, удаленных от Москвы и Санкт-Петербурга. Историки, изучающие советский период, лишь недавно обратили свое внимание на послевоенную эпоху и годы после смерти Сталина. Как предметы наиболее активного интереса недавних исследований, так

и упущенные в них моменты с неизбежностью отразились на характере этой книги. То же верно для моих личных пристрастий и интересов как ученого. Возможно, другой автор на том же материале написал бы совершенно другую книгу.

В этой книге я намеревалась частично отразить разнообразие женского опыта и идентичности и показать, как менялись они со временем и в ответ на масштабные экономические, социальные, культурные и политические события. Поскольку жизнь женщин протекала в семье и в обществе, эта книга исследует их социальный и семейный мир. Важную часть ее составляет история гендера. Социальное конструирование маскулинности и феминности, то есть того, что значит *быть* женщиной и что значит *быть* мужчиной, отражает структуру власти в том или ином обществе, равно как и сказывается на ее формировании. Гендер обуславливает то, как люди определяют себя и других, и влияет на то, как они представляют себе возможные изменения. Но мне важнее всего было рассказать увлекательную историю, опираясь, насколько позволяют источники, на слова самих женщин.

Основной акцент здесь делается на переменах и различиях. Я начинаю книгу с обзора «революции сверху», проведенной царем Петром Великим с целью изменить жизнь знати – как мужчин, так и женщин высшего сословия. Она была шагом на пути к более масштабным целям и осуществлялась по моделям, заимствованным с Запада. Петровская революция имела серьезные последствия для женщин. Ин-

новации Петра, ужесточив и усугубив социальные различия, а также изменив границы между частным и общественным, в то же время открыли новые возможности для социальной мобильности. В конечном счете введенные Петром основания для продвижения по службе, не сводившиеся более исключительно к праву рождения, и то предпочтение, которое он отдавал образованию и «цивилизованности», принесли женщинам пользу не меньшую, чем мужчинам. Для высших сословий нововведения Петра, изменившие, хотя и не устранившие иерархические отношения полов в семье и обществе, помимо всего прочего, открыли дверь к новому пониманию того, что значит быть женой и матерью. Изменив образ жизни высшего общества и отношение к женским семейным ролям, Петровская революция углубила социальные и культурные различия между дворянками и крестьянками. Однако в некоторых отношениях у российских женщин было и много общего. Вплоть до XIX века, если не дольше, участь почти всех россиянок – не только дворянок и крестьянок, но и купчих, горожанок, женщин духовного сословия и прочих – оставалась практически одинаковой: вначале брак по договоренности, заключенный в чужих интересах, затем рождение и воспитание детей, труд по хозяйству и обеспечению семьи. За фасадом событий, о которых пойдет речь в последующих главах, жизнь большинства женщин определяли все те же повседневные обязанности, связанные с браком, материнством и домашним хозяйством.

На протяжении большей части имперской эпохи плоды Петровской революции доставались в первую очередь образованной или имущей элите. Подавляющему большинству – русским крестьянам и крестьянкам – петровские нововведения принесли не столько преимущества, сколько новые тяготы. Крестьяне, добывавшие себе пропитание на земле, теми же орудиями труда, какими пользовались до них их родители, бабушки и дедушки, жившие в замкнутых общинах, даже после отмены крепостного права в 1861 году не спешили перенимать обычаи большого мира, относясь к ним в лучшем случае настороженно. Крестьянки в большинстве своем все так же выходили замуж к 20 годам, рожали с помощью деревенской повитухи в среднем по 6–7 детей и почти половину своего потомства теряли, не дорастив до пятилетнего возраста. Подъем торговли и промышленности в конце XIX века дал прежде не виданные в деревне возможности, открыл доступ к новым идеям и новому образу жизни, однако эти перемены затронули жизнь сравнительно немногих. Даже захват власти в 1917 году большевиками с их стремлением перестроить весь политический, социальный и культурный порядок, как ни странно, почти ничего не изменил в крестьянском образе жизни. Настоящие перемены настигли крестьянство уже в конце 1920-х годов в ходе коллективизации сельского хозяйства, да и они были лишь частичными. Дальнейшее повествование будет посвящено в первую очередь преобразованиям, а не тому, что передавалось из поко-

ления в поколение, однако следует иметь в виду, что на протяжении первых двух с четвертью столетий, охватываемых этим повествованием, жизнь российских крестьянок менялась на удивление мало.

Каждый писатель пишет для некой воображаемой аудитории. У меня, когда я работала над этой книгой, таких аудиторий было две. Первая – студенты колледжей, такие же, как те, кому я преподаю в Университете Колорадо, – те, кто ценит хорошо рассказанную историю и находит, что прошлое доступнее всего для изучения в его человеческом измерении. Чтобы не тормозить развитие повествования и не слишком растягивать объем книги, я привожу сноски лишь на те источники, которые цитирую или на которые опираюсь в плане информации или интерпретации. По тем же причинам я ограничила обсуждение различных толкований историков, однако постаралась представить весь диапазон различных исторических взглядов в сносках или в списках рекомендуемой литературы, приводимых в конце каждой главы, а иногда и там и там. Список литературы отсылает лишь к небольшой части нашей стремительно разрастающейся области исследований, наиболее важной для данной главы. К счастью для читателей, желающих ознакомиться с этой областью подробнее, в издательстве M. E. Sharpe скоро выйдет двухтомник «Bibliography on Women and Gender in Russia, the Successor States of the Former Soviet Union and East Central Europe» («Библиографический список работ о женщинах и

гендере в России, государствах – преемниках СССР и Центрально-Восточной Европе»), составленный Мэри Зирин, Ириной Ливезяну, Джун Пачутой Фэррис и Кристин Воробек².

Вторая аудитория – мои коллеги и будущие коллеги, ученые-историки и выпускники вузов, для которых эта книга может служить введением в историю российских женщин или помочь дополнить, а возможно, даже переосмыслить уже известную им информацию. Охват весьма продолжительного периода – трех столетий – позволил мне проследить за развитием некоторых тем и отметить постоянство определенных тенденций, которое в противном случае легко было бы упустить из виду. Хотя отстаивать важность изучения женской истории теперь уже нет необходимости, о ее центральном месте в истории России еще многое предстоит сказать. Моя книга была задумана как вклад в этот разговор.

² Русскоязычные читатели также могут обратиться к замечательной книге Н. Л. Пушкарёвой «Русская женщина: история и современность» (М.; Ладомир, 2002). – *Примеч. авт.*

Глава 1

Петровская революция: новые мужчины, новые женщины, новые идеи

Женщины в обществе и новая семейственность

Эта книга начинается с драматических изменений – своего рода революции – инициированных сверху царем Петром Великим (1689–1725) и изменивших в конечном счете жизнь почти всех россиян, как женщин, так и мужчин. В 1689 году, когда Петр отстранил от власти свою сводную сестру, регентшу Софью, и занял российский престол, Россия еще только постепенно отходила от средневекового уклада. Большинство россиян, привыкших руководствоваться религиозными ценностями, живших по большей части изолированно от культурных и интеллектуальных изменений, под влиянием которых трансформировалось мировоззрение западных элит, на внешний мир все еще глядело с подозрением. Чтобы обеспечить России имперский статус, Петр стремился изменить российское общество, культуру и политику в соответствии с теми моделями, которые наблю-

дал и которыми восхищался в иностранной общине Москвы и во время поездок на Запад. В годы правления Петра государство сделалось заметно более активным и все чаще вмешивалось в жизнь своих подданных. Всеми силами стараясь ускорить ход уже совершающихся перемен, Петр использовал указы и законы как оружие в войне против традиционных русских порядков и сурово карал даже знать, когда та пыталась ставить ему палки в колеса. Отголоски взрывных волн Петровской революции ощущаются и по сей день.

Как и многие современные европейские общества, Россия была разделена на социальные слои: на воюющих (служилое сословие), трудящихся (податное сословие) и молящихся (духовное сословие). Западническая революция Петра была нацелена в первую очередь на служилую знать, родовитых бояр и военную аристократию. Новые политические институты начали преобразование московской системы правления в современную бюрократию, формализуя и укрепляя власть самодержца. Петр обновил российскую армию и основал флот. Для управления новыми или реформированными структурами Петру требовались люди нового типа – мужчины нового типа, которые должны были выглядеть, вести себя и даже думать по-новому, не так, как их отцы и деды. А в спутницы этим новым мужчинам требовались новые женщины. Женщины высших сословий – в открытой по западной моде одежде, не чурающиеся развлечений в смешанном обществе, воспитывающие своих сыновей

в духе Петровской эпохи, – должны были служить государству так же, как и мужчины, только на иной манер. Чтобы привлечь знать к строительству нового порядка, Петру необходимо было перекроить ее общественную и частную жизнь.

Гендер и допетровский порядок

Преобразование семейного уклада российской знати было необходимо Петру, который стремился придать четкую форму государственному правлению. За фасадом московского самодержавия знатнейшие боярские роды плели интриги ради власти и покровительства, и главными факторами успеха были супружеские и родственные связи. Устраивая браки своих отпрысков, знать блюла фамильные интересы. Практика изоляции женщин и половой сегрегации способствовала поддержанию этой политической системы. Женщины из самых знатных семей проводили жизнь в обособленных помещениях – теремах. Они могли принимать там гостей или обсуждать с мужчинами хозяйственные дела, но в остальном с мужчинами, даже родственниками, не общались. «Я была рождена взаперти, возвращена в четырех стенах», – писала своему юному другу-иностранцу княгиня Дарья Голицына (1668–1715). До того, как Петр Великий вынудил ее изменить свой образ жизни, княгиня Дарья отваживалась выходить за дверь всего два–три раза в год, включая посещение церкви и кладбища, а в гостях у родственниц бывала еще

реже. В экипаже она всегда ездила с закрытыми или занавешенными окнами, чтобы никто ее не увидел [Schlafly 1997: 255]. Благодаря такому разделению по половому признаку в социальной жизни между мужчинами и женщинами не возникало личных привязанностей, которые могли бы стать помехой заключению договорных браков.

Хотя обособленность женской сферы ограничивала свободу передвижения и контакты, она в то же время могла стать и источником независимой женской власти. Такой властью пользовалась царица и ее дочери, жившие в царском тереме. Как и во многих средневековых дворах, в Московской Руси личная, частная сфера была неразрывно связана с государственными делами. В России благочестивая царица считалась духовной заступницей, посредницей между царем, его подданными и Богом. Как духовная помощница мужа, она выступала порукой спасения царя и его царства, совершая богоугодные деяния, занимаясь благотворительностью и поддерживая социальную справедливость. Кроме того, она обладала пусть и более земной, но не менее значительной властью в своем отдельном царстве. В царском тереме царица управляла придворными и слугами, устраивала свадьбы и жаловала приданое, в которое могли входить крупные земельные наделы. Царицы также обладали по закону независимым статусом. Они самостоятельно распоряжались своей собственностью и вершили суд над своими подданными. Признанные защитницы мира и справедливости, царицы по-

лучали многочисленные петиции от российских подданных с просьбами вмешаться в юридические, а то и в государственные дела. По мере того как самодержавие все более бюрократизировалось, а образ царя обретал все бóльшую суровость, царица олицетворяла собой более мягкую, милосердную форму власти и альтернативный путь к престолу [Tyhret 2001: 119–123].

Другие знатные женщины зачастую играли в своей гендерной сфере не менее активную роль. Они тоже управляли большими и сложными домохозяйствами и часто брали на себя инициативу по организации браков своих детей, в том числе таких, которые могли открыть доступ к политической власти. Женщины имели право запрещать или одобрять брачные союзы родственников-мужчин, а иногда навевались в женские владения других семей, чтобы оценить будущую невесту [Kollman 1983: 184]. Матери царей не были исключением. Наталья Нарышкина, мать Петра Великого, выбрала для него первую жену Евдокию, к которой сам Петр был совершенно равнодушен. В деревнях знатные женщины управляли поместьями, пока их мужья служили в армии. Еще большей свободой действий пользовались состоятельные вдовы.

Гендерная сегрегация и требование к женщинам прикрывать волосы и тело также поддерживали коллективистскую, клановую московскую систему, построенную на идеях чести и бесчестья. Знатные женщины носили платья с закры-

тым воротом, длинными рукавами и юбками, вся их одежда была свободного кроя, скрывающего очертания тела. Чем торжественнее обстоятельства и чем богаче женщина, тем больше на ней было слоев одежды. Поскольку религия учила, что мужчине грешно смотреть на волосы замужней женщины, ее волосы скрывались под приличествующими случаю головными уборами и широкими шальями, иногда покрывавшими и плечи. Женщины, которые одевались и вели себя как предписывалось правилами, сохраняли свою честь и честь своей семьи; женщины, нарушавшие правила чести, вредили не только себе, но и своим близким. Семейная честь имела огромное значение для служивых сословий. Она была мерой, определявшей их статус в социальной иерархии [Kollman 1994: 45]. Система чести обеспечивала также уважение в обществе и право защиты своего достоинства женщинам, живущим по ее законам. Если женщина соблюдала правила, она могла получить законную компенсацию от мужчин, которые эти правила нарушили – например, потянули ее за косу или заглянули в ее карету. По словам Нэнси Шилдс Коллман, «патриархат, служа сам себе, оказывал услугу и женщинам»³.

Доктрина русского православия, официальной религии, поддерживала эту гендерную сегрегацию, сообщая женщинам весьма противоречивый посыл. Она провозглашала женщин грешницами – распутными, коварными подстрекатель-

³ [Kollman 1991: 72].

ницами похоти и скверны. В церковных проповедях женщину именовали «змеиным логовом», «неисцелимым недугом» и «пособницей дьявола» [Bisha, Gheith, Holden, Wagner 2002: 22]. Такие высказывания внушали мужчинам страх перед женщинами и недоверие к ним, а заодно и стремление контролировать их сексуальность, чтобы оградить семью от бесчестья и общество от разрушения. Однако русское православие предлагало и положительный образец – *добродетельную женщину*, все свойства которой были диаметрально противоположны свойствам ее грешной сестры. Добродетельная женщина была скромна и трудолюбива, набожна и целомудренна, предана дому и детям и покорна мужу. Добродетельная женщина щедро помогала нуждающимся и использовала близость к сильным мира сего для защиты слабых и угнетенных. «Домострой» – руководство по ведению домашнего хозяйства, написанное в XVI веке и рассчитанное на читателей из высших сословий, – изображал в качестве идеала жену, держащую в своих руках хозяйство в доме и ведущую едва ли не затворнический образ жизни. «Если дарует Бог жену добрую, лучше то камня драгоценного», – так, с цитаты из «Книги притчей Соломоновых», начинается раздел «Похвала женам» [Дмитриев 1994]. Церковь внесла свой вклад и в духовное возвышение цариц, отождествляя их не с греховностью, а с известными православными женщинами-святыми.

Женщины-святые, принявшие мученическую смерть за

веру, служили для религиозных женщин высочайшим примером. В житиях святых – книгах, которые чаще всего читались в набожных домах, – они видели образы, воплощающие духовную силу и самоотверженный аскетизм. Святые, беззаветно преданные высшему идеалу, не отступались от своих убеждений даже перед лицом гонений и мук. Такие образы, призванные восславить благочестие, призывали женщин к покорности, однако в то же время могли подтолкнуть и к бунту. Именно они вдохновили весьма состоятельную вдову Феодосию Морозову (1632–1675) на то, чтобы стать мученицей за свои убеждения. В 1660-х годах Русская православная церковь провела модернизационные реформы, пересмотрела и унифицировала литургические обряды, что вызвало ожесточенное сопротивление. Морозова стала самой известной противницей реформ. В борьбе за сохранение древних религиозных обрядов она отказалась повиноваться как религиозным, так и светским властям, несмотря на все призывы родственников покориться. Благодаря огромному состоянию и относительной свободе, которой она пользовалась как вдова, Морозова превратила свой московский особняк в своего рода убежище для раскольников и центр производства и распространения раскольнических сочинений. Впоследствии она стала монахиней. Арестованная в 1672 году вместе с двумя другими главными раскольницами и подвергнутая пыткам, Морозова отказалась отречься от своих убеждений. Вместе с двумя сообщницами ее сослали в

дальний монастырь, где всех трех заморили голодом в яме [Ziolkowski 2000]. Старообрядцы, как называли раскольников, признали Морозову святой. Ее биография, написанная примерно в 1674–1675 годах, широко распространялась в списках и стала ключевым текстом в идеологии старообрядчества.

Сводная сестра Петра Великого, Софья, может служить еще одним примером бунтарки, но уже в другом религиозном ключе. Вначале в качестве регентши при своих малолетних братьях (Иване и будущем царе Петре), а затем постепенно обретая все большую самостоятельность, Софья правила Россией с 1682 по 1689 год. Власть Софьи описывалась в женских терминах, что должно было демонстрировать ценность ее пребывания на престоле. Так, подчеркивание благочестия и аскетизма царицы опиралось на мифы и ритуалы, связанные с царским теремом. Распространение той власти, которой царицы издавна пользовались в качестве духовных помощниц, на светскую политическую сферу подкрепляло претензии Софьи на прямое правление [Тухтет 2001: 139–169]. В 1689 году войска Петра Великого свергли ее власть. Остаток жизни Софья провела в заточении в женском монастыре – обычная участь слишком дерзких или неугодных женщин.

Насколько можно судить, немногие женщины отваживались бросать такой открытый вызов религиозным или политическим порядкам. Чаще они довольствовались отведен-

ным им местом или по крайней мере делали вид, что довольствуются. Как бы ни превозносили добродетельных женщин, действовать им приходилось в рамках патриархального строя. Предводитель старообрядцев протопоп Аввакум, восхвалявший боярыню Морозову как одну из «мучениц Христовых», мог в то же время и сурово отчитать ее, когда она перечила ему: «Чем боло плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению – и привел боло диявол на совершенное падение... Глупая, безумная, безобразная, *выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия*» [курсив в оригинале] [Барсков 1912: 42–43].

В письмах, сохранившихся с петровских времен, женщины отзываются о себе в самоуничижительном духе. Подписываются: «твоя недостойная сестра», «твоя недостойная дочь», или, как Морозова в письме к Аввакуму, «многогрешная и недостойная». Так они именуют себя даже тогда – пожалуй, в особенности тогда, – когда становятся царицами. Самоуничижительные обороты встречаются и в сохранившихся письмах первой жены Петра Великого Евдокии. Уже поднявшись на высшую, по общепринятому понятию, ступень, Евдокия писала мужу после их свадьбы в 1689 году: «Женишка твоя Дунька челом бьет»; и в другом письме: «Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здоровьи своем, чтоб мне, слыша о твоём здоровьи, радоваться» [Устрялов 1858]. Однако такое словесное самоуничижение не спасло Евдокию от

той же участи, которая была уготована ее золовке Софье.

Петровская революция

Петр Великий перекроил российский патриархальный уклад. Его модернизационные реформы, направленные на укрепление бюрократии и институционализированных форм власти, неизбежно отражались и на той неформальной власти, которой женщины пользовались в своей обособленной сфере. Первоначально трансформация политической жизни по западноевропейскому образцу символизировалась новой одеждой и поддерживалась новыми манерами. Петр вынудил мужчин сбрить бороды и снять кафтаны, а женщин – носить иноземное платье. Указ от 1701 года предписывал «ношение немецкого платья и обуви» мужчинам и женщинам всех разрядов служилого дворянства, а также крупнейшим купцам, военным чинам, жителям Москвы и других городов. Только духовенство и крестьяне были освобождены от этой обязанности [Бычков 1873]. Отныне женщины, не носившие платья, немецкие верхние и нижние юбки, шляпы и обувь по иностранному образцу, подвергались штрафам.

Стремясь придать своему двору западный вид, Петр проломил стены теремов, вынудив знатных женщин расстаться с привычным уединением и начать появляться в обществе, на приемах в европейском стиле. Затянутые в корсеты, в декольтированных платьях, позволявших видеть фи-

гуру, они должны были танцевать западноевропейские танцы, демонстрировать приличествующие случаю навыки общения и беседовать с мужчинами по-французски. Это был, по выражению Линдси Хьюз, «женский вид служения государству, пусть не в полку или в канцелярии, а на балах и ассамблеях» [Hughes 1998: 201]. Указом об ассамблеях от 1718 года Петр попытался распространить такие развлечения за пределы двора, где они уже стали обычным явлением. Он даже предлагал отправлять дворянок за границу для изучения языков и светских манер. Однако на этот раз ожесточенное сопротивление родителей девиц заставило его отступить. Указ от 1722 года требовал от женщин знания основ грамоты: женщине запрещалось выходить замуж, если она не могла расписаться в документах [Glagoleva 2002: 130]. Судя по всему, этот запрет был оставлен без внимания.

Второй брак Петра олицетворял собой типичное для него сочетание деспотизма и приверженности стилю современного Запада. Недовольный своей первой женой Евдокией, в 1699 году он заточил ее в женский монастырь. В 1712 году Петр женился вторично – на женщине незнатного происхождения, принявшей при православном крещении имя Екатерина. Она была его любовницей примерно с 1703–1704 годов и ко времени их свадьбы в 1712 году уже родила ему нескольких детей. Свадебное торжество прошло в духе новой эпохи: женщины в платьях с глубокими декольте, в изысканных французских париках сидели в одной комнате с мужчинами,

одетыми во флотскую форму. Эта тщательным образом организованная свадьба стала своего рода публичным спектаклем: его участники разыгрывали новые манеры, словно на сцене, подавая тем самым пример публике [Hughes 1996: 40].

Второй брак Петра знаменовал также новое представление о личной жизни. Свою вторую жену Екатерину Петр любил страстно и глубоко и не скрывал своих чувств. Это в значительной мере расходилось с официальной моралью его времени, согласно которой целью брака было не эмоциональное удовлетворение или сексуальное наслаждение, а продолжение рода и стабильность социального уклада. Мужьям, безусловно, полагалось любить жен. Однако такая любовь означала не какую-то страстную личную привязанность, а лишь взаимное уважение и сотрудничество в рамках патриархального порядка. Половые сношения ради удовольствия считались грехом. Русское православие рассматривало сексуальность как проявление греховности человеческой натуры вследствие грехопадения. Выступая за целомудрие даже в браке, Церковь не поощряла супружеский секс без цели продолжения рода, а «Домострой», отражавший те же взгляды, призывал к регулярному воздержанию от половой близости. Таким образом, второй брак Петра представлял собой новый супружеский идеал [Kollman 2002: 15–32]. Этот новый, более эмоциональный идеал нашел отражение в портретах Петра, Екатерины и их детей, изображаемых как по отдельности, так и всем семейством.

Рис. 1. Г. С. Муסיкийский. Семейный портрет Петра I, 1720 год

Аналогичным образом Петр стремился изменить и интимную жизнь своих подданных. Он хотел покончить с московским обычаем, согласно которому браки заключались родителями или, если тех уже не было в живых, близкими родственниками жениха и невесты, обычно видевших друг друга впервые уже после свадебной церемонии. Закон от 1702 года требовал шестинедельного периода обручения перед свадьбой, чтобы молодожены могли встретиться и узнать друг друга. Если какую-то из сторон, включая не только родителей, но и самих нареченных, предстоящий брак не

устраивал, она получала право отменить его⁴.

Позже Петр усложнил расторжение брака. Церковь, считавшая, что безбрачие предпочтительнее супружеской жизни, разрешала супругам расторгать брак, чтобы перейти в монашество, если они имели на то разрешение второго супруга и выполнили свои обязательства перед детьми. Если второй супруг продолжал после этого мирскую жизнь, он или она имели право вступить в новый брак. Петр, как и многие другие высокопоставленные мужчины, сам злоупотребил этой традицией, чтобы избавиться от первой жены. Однако после 1721 года такой неформальный развод стал невозможен. Отныне для развода с целью уйти в монашество супругам необходимо было «представлять о том разводе Епископу своему обстоятельно», и лишь после этого епископ направлял прошение в Священный Синод для принятия решения. Развод стал формальной процедурой [Meehan-Waters 1982: 123]. Семейная реформа Петра должна была касаться всех без исключения. Указ от 1722 года прямо запрещал принудительные браки, в том числе браки «рабов», заключенные хозяевами, и обязывал жениха и невесту давать клятву, свидетельствующую о том, что они вступают в свой союз добровольно. Обязанность представителей высших сословий участвовать в светских увеселениях расширяла личные контакты и тем самым также подрывала монополию родителей на организацию браков своих детей.

⁴ Этот закон был отменен в 1775 году.

Изменив патриархальный строй в России, Петр, однако, никоим образом не отменил его. Бразды правления оставались в руках мужей и отцов, обладавших практически неограниченной властью над другими членами семьи. Брачный закон требовал от жены «повиноваться мужу своему как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и *неограниченном послушании*, и оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» (выделено автором) [Сперанский 1857: 107]. Женщины, за исключением придворных фрейлин, не обладали независимым общественным статусом. Женщины низших сословий не учитывались ни при переписи населения, ни тогда, когда речь шла об уплате податей или исполнении служебных обязанностей. Как и в других странах Европы, статус женщины определялся положением ее мужа или отца. Закон по-прежнему относился к женщинам гораздо суровее, чем к мужчинам. Жену за убийство мужа закапывали в землю по шею и оставляли умирать; мужа за убийство жены пороли кнутом. За супружескую измену женщин наказывали принудительными работами – обычно на текстильной фабрике. «Распутных» женщин постигала похожая судьба⁵.

Более того, от женщин как родительниц и воспитательниц будущих подданных ожидалось, что основной вклад во благо российского общества они будут вносить в семье. Петр считал важнейшими обязанностями женщины обязанности же-

⁵ См. [Hughes 1998: 200].

ны и матери, тем самым придавая материнству новый смысл. В XVI веке «Домострой» «на удивление мало» упоминал о детях и совсем ничего – об их образовании и воспитании: предполагалось, что всему необходимому дети научатся от родителей [Rounsey 1994: 29]. Таким образом, матери будущих подданных держали в руках ключ к будущему России. Понимая это, Федор Салтыков в 1713 году предложил создать школы для девочек, где обучать их чтению, письму, французскому и немецкому языкам, шитью и танцам, «чтоб и женский наш народ уравнился с европейскими государствами»⁶. Только образованные женщины, утверждал Салтыков, способны воспитать достойных слуг Российского государства. Однако, как и многие другие проекты, предложенные при Петре, планы обучения женщин не сдвинулись дальше замысла. Чтобы женщины исправно становились женами, а главное, матерями, Петр запретил им уходить в монастырь в репродуктивном возрасте. Духовный регламент 1721 года запрещал женщинам постриг до достижения 50 лет, то есть до предполагаемой утраты способности к деторождению. Отныне для женщин не было способа уклониться от своего репродуктивного долга. Если девушка желала сохранить девственность, чтобы принять монашеский постриг, ей оставалось только ждать своего часа. Под строгим надзором, как предписывалось Духовным регламентом, она должна была «пребывать непостриженной» «до шестидесяти, или поне

⁶ См. [там же: 195].

до пятидесяти лет»⁷. Монахини должны были также заниматься производительным трудом: в 1722 году государство направило в московские монастыри швей – учить монахинь прясть.

Изменения, инициированные Петром, укоренялись лишь постепенно. Во время его правления они касались в основном женщин императорской семьи и Двора. Некоторые женщины с отвращением отнеслись к новой моде, требовавшей открывать тело: ведь еще несколькими годами ранее это покрывало бы позором саму женщину и стало бы бесчестьем для ее семьи. «Неужели на старости лет, – сокрушалась 31-летняя Дарья Голицына около 1700 года, – я должна ходить по Москве с непокрытой головой, плечами и грудью?» Она утверждала, что единственное сокровище, которым женщина может похвалиться, – это целомудрие [Schlafly 1997: 262], и теперь оно поругано. Другие женщины были готовы к переменам во внешности, но не готовы отказаться от ценностей, в которых были воспитаны. Родная сестра Петра Наталья Алексеевна (год рождения: 1673) полностью сменила свой гардероб на западный манер. На портрете 1715 года она изображена с тщательно уложенной модной прической и в платье с глубоким вырезом. Однако даже она не желала расставаться со многими чертами старого образа жизни, держала в доме не только картины, но и иконы, а ее библиотека состояла по большей части из духовных книг. Ино-

⁷ См. [Meehan-Waters 1986: 112].

странный гость был поражен неумением русских дам Петровской эпохи должным образом поддерживать разговор в силу их «врожденной застенчивости и неловкости» [Hughes 1998: 189].

За пределами царского двора перемены шли с еще бóльшим трудом. Москва отставала в этом отношении от Санкт-Петербурга – новой столицы, созданной по воле Петра. Один из иностранцев, побывавших в Москве в 1716 году, замечал: «Русские жены и дочери... содержатся очень уединенно и выходят только в церковь и к самым близким родственникам». Требования к поведению молодых женщин оставались двойственными: с одной стороны, царь повелел им надевать открытые платья и вести беседы в свете, а с другой – их по-прежнему воспитывали благонравными русскими православными девицами. «Юности честное зерцало», руководство по этикету, опубликованное в 1717 году, предлагало молодым женщинам советы, словно взятые прямоком из «Домостроя»: «Между другими добродетелями, которые честную даму или девицу украшают и от них требуются, есть смирение, начальнейшая и главнейшая добродетель». В этой книге подчеркивается важность для женщин таких качеств, как трудолюбие, стыдливость, сдержанность, целомудрие и молчаливость, а также духовные познания и богобоязненность [Юности честное зерцало 1976].

Женщины в обществе

Ярче всего свидетельства новой видимости женщин в постпетровский период проявлялись в политике. Софья, сводная сестра Петра, прежде заявила свои права на престол в качестве регентши и правила пока еще негласно. В течение XVIII века на российском престоле побывали уже четыре женщины: вторая жена Петра, Екатерина I, царствовала с его смерти в 1725 году до своей в 1727-м. Анна Курляндская, дочь Ивана, сводного брата Петра, правила в 1730–1740 годах. Дочь Петра Елизавета правила с 1741 по 1761 год, и наконец, Екатерина Великая, принадлежавшая по рождению к мелкому немецкому правящему дому, занимала российский престол 34 года, с 1762 года до своей смерти в 1796 году. Тот факт, что знать приняла власть императриц, свидетельствует не только об успешности попыток Петра привлечь женщин к общественной жизни, но также и о том, насколько тщательно формировался публичный образ правительниц. В петровские времена образ правителя приобрел агрессивно-маскулинный характер. В отличие от Петра, женщины-правительницы, в частности Елизавета Петровна и Екатерина Великая, делали акцент на гражданских и гуманистических аспектах власти. Представая в глазах подданных могущественными, но при этом обезоруживающе мягкими и любящими, они провозглашали, что правят не силой, как Петр, а любовью.

Таким образом, императрицы вдохнули жизнь в феномен женской власти, опираясь в том числе на московские прецеденты и расширяя вместе с тем собственное влияние. Однако при этом они олицетворяли и нечто новое. Авторитет императриц подкреплялся ссылками на религиозные примеры, а также на классические и аллегорические женские образы. Императрицы изображались уже не помощницами в искуплении грехов или спасении в загробной жизни, а теми, кто осыпает подданных щедрыми дарами и приносит им земное счастье⁸. Женщинам высших сословий их правление приносило прямую выгоду. Во время их царствования женщины стали заметнее в обществе и начали играть в нем видные официальные роли. Кроме того, эти женщины стали пользоваться небывалой до сих пор близостью к правительницам⁹.

При Екатерине Великой государство впервые взялось за женское образование. До сих пор то, чему сможет выучиться девочка, полностью зависело от ценностей и материального положения ее родителей или опекунов. В первые десятилетия после смерти Петра кое-кто из знатных родителей стремился ознакомить дочерей с плодами западной культуры. Разделяя новое мнение о том, что утонченное общество должно включать в себя женщин, они нанимали иностранных гувернанток и педагогов, чтобы учить дочерей дома. Княгиня Екатерина Дашкова, родившаяся в 1743 году, рано

⁸ [Wortman 1995: 84–88].

⁹ [Gheith 1995: 8].

осиротела и воспитывалась в доме дяди вместе с его родной дочерью. «Мой дядя ничего не жалел, чтобы дать нам лучших учителей, и по тому времени мы были воспитаны превосходно. Нас учили четверем языкам, и по-французски мы говорили свободно... <...> В танцах мы показали большие успехи и несколько умели рисовать. С такими претензиями и наружным светским лоском кто мог упрекнуть наше воспитание в недостатках?» – вспоминала она, неявно порицая такой подход к женскому образованию¹⁰. Обычай учить дочерей начал все быстрее распространяться после 1760-х годов, когда все больше «новых мужчин» стало выходить из средних учебных заведений с гуманитарным образованием. Во время правления Екатерины получили распространение частные школы-пансионы, возникшие еще при Елизавете. К концу XVIII века их было уже более десятка в Москве и Санкт-Петербурге и еще несколько в провинциальных городах, причем руководили ими неизменно иностранцы. Однако средств на то, чтобы нанять гувернеров или гувернанток или отправить дочерей в пансион, хватало лишь малой части дворян.

Екатерина решила восполнить этот пробел; кроме того, она стремилась способствовать вестернизации российских манер и морали, тем самым продолжая «цивилизаторскую миссию», начатую Петром Великим. Выход предложил Иван Бецкой, ее первый главный советник по образованию. Сто-

¹⁰ [Дашкова 1985].

ронник полного равенства в образовании для мальчиков и девочек, Бецкой считал, что образование закладывает семена добра и зла. Достаточно привить правильные идеи родителям, которые затем передадут их своим детям, – и с помощью образования можно будет создать «новую породу» людей. В частности, предполагалось, что матери возьмут на себя нравственное воспитание детей. Ввиду этого женское образование стало частью масштабных планов Екатерины по совершенствованию российской семейной, общественной и гражданской жизни. В 1764 году, через два года после вступления на престол, Екатерина основала первый в России институт благородных девиц. В этот институт, получивший название «Воспитательное общество благородных девиц» (более известный как Смольный институт, по названию бывшего монастыря, где он располагался), принимали в первую очередь дочерей служилых дворян, а также офицеров и чиновников среднего ранга – девочек, отцы которых либо умерли, либо не имели достаточно средств для их обучения. Смольный институт ставил перед собой цель облагородить «вульгарную» дворянскую семью, выращивая лучших жен для дворян-мужей и более заботливых, более сведущих в воспитании матерей для будущих служащих государства. Чтобы это облагораживание проходило успешнее и чтобы воспитанницы не «испортились» под влиянием российских провинциальных нравов или грубых привычек собственных родных, девочек принимали в институт в раннем возрасте и изолировали от

семей на все 12 или более лет обучения. Их вывозили на светские и придворные приемы. Помимо подготовки к материнству, институт стремился воспитать в них гражданок, участниц зарождающейся общественной жизни. Воспитанницы разыгрывали спектакли, для них организовывали прогулки и другие развлечения. По воскресным дням и в праздники старшие девушки сами устраивали приемы, готовясь к той роли, которую им вскоре предстояло играть в обществе. В первый выпуск институт покинуло 70 воспитанниц, а всего за время правления Екатерины его окончило около 900 девушек. Екатерина основала также и другие школы, куда принимали девочек более простого происхождения. Около 20 институтов, организованных по образцу Смольного, открылось в первые годы после его основания в крупных городах России [Black 1978].

Екатерина считала, что образованные женщины необходимы обществу, и поощряла других аристократок следовать ее примеру. К концу XVIII века женское культурное развитие стало отличительной чертой сливок российской элиты. По одежде, прическам, танцам, которые они разучивали, языку, на котором говорили – а это был почти всегда французский, – эти женщины стали практически неотличимы от западноевропейских. Художница Элизабет Виже-Лебрен, побывав в России в 1790-х годах и вернувшись в Париж, под впечатлением писала о бесчисленных балах, концертах и театральных представлениях, где она с удовольствием на-

ходила «всю утонченность французского общества». Она, в частности, считала, что русским дамам нет равных в учтивости и хороших манерах [Vowles 1994: 42].

Некоторые из этих образованных женщин приобрели также и независимые интеллектуальные интересы и активно проявляли их; некоторые, хотя и немногие, могли соперничать по эрудиции с европейскими дамами. Екатерина Великая была чрезвычайно плодотворной писательницей, основавшей первый в России сатирический журнал, и автором произведений в самых разнообразных жанрах, включая комедии и пьесы, педагогические сочинения и детские рассказы. Княгиня Екатерина Дашкова (1743–1810), урожденная Воронцова, которая в 19 лет помогла подруге Екатерине Великой совершить переворот, приведший ее на престол, написала множество пьес и статей и в 1783 году стала одним из первых русских редакторов журнала – он назывался «Собеседник любителей русского слова». В том же году Дашкова стала одной из первых женщин в Европе, занявших государственный пост: Екатерина Великая назначила ее директором Академии наук. Это назначение было столь необычным, что российские официальные лица растерялись, не зная, что предпринять: князь Вяземский, генерал-прокурор Сената, даже спрашивал императрицу, следует ли ему привести Дашкову к присяге, как других государственных чиновников. Императрица ответила, что к Дашковой необходимо относиться так же, как и ко всем прочим: «Без со-

мнения, – отвечала Екатерина, – я не тайком назначила княгиню Дашкову директором Академии»¹¹. Дашкова оказалась талантливым администратором. Она руководила ремонтом и расширением библиотеки Академии, увеличила бюджет, контролировала строительство новых зданий и организовала чтения для менее привилегированных дворян. В 1783 году Дашкова также основала Российскую академию и стала ее президентом (1783–1794). Дашкова – самый известный пример просвещенной женщины, однако вовсе не единственный. Высокообразованные женщины встречались не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также и в провинциальных городах. Сергей Аксаков в своей беллетризированной автобиографии, действие которой происходит при Екатерине Великой, описывает такую женщину, Софью Николаевну Зубину – прототипом героини была мать писателя. Дочь высокопоставленного чиновника из провинциальной Уфы, Софья Николаевна вела переписку с писателем и журналистом Николаем Новиковым, жившим в далекой Москве. Она произвела на него такое впечатление своими письмами, что он стал регулярно присылать ей все новые книги на русском языке, заслуживающие внимания. «Ученые и путешественники, посещавшие новый и чудный Уфимский край, также непременно знакомились с Софьей Николавной и оставляли письменные знаки удивления ее красоте и уму», – писал ее сын, упоминая имена выдающихся интеллектуалов того вре-

¹¹ [Дашкова 1985].

мени, как российских, так и иностранных [Аксаков 1991].

Рис. 2. И. Я. Вишняков. Портрет С. С. Яковлевой. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Исполняя свою цивилизаторскую роль, такие женщины оказали влияние на развитие русской культуры. В светских салонах и в дворянских интеллектуальных кругах образованные женщины становились законодательницами мод. Писатели отныне работали для публики, преобразившейся ввиду присутствия аристократок, что сказывалось и на стиле письма, и на темах, которые они затрагивали в своих стихах и прозе. Литературный язык феминизировался под влиянием женских вкусов и особенностей речи, не затронутой церковнославянским или канцелярским слогом – мериллом культурного превосходства. Сентиментализм, не выходящий из моды с 1780-х и примерно до 1820 года, способствовал этой феминизации, подкрепляя восприятие женщины как «сосуда эмоций» и образца добродетели. Однако это влияние не давало женщинам возможности выйти за рамки социально предписанных им ролей. Женщинам отводилась центральная цивилизационная роль, но при этом гендерные различия оставались незыблемыми. Мужчины по-прежнему сохраняли за собой монополию на литературную деятельность, хотя их репертуар и расширился за счет феминного, эмоционального компонента.

Однако попытки женщин, в свою очередь, перенимать мужские качества и навыки воспринимались как угроза есте-

ственному порядку вещей. Таким образом, феминизация оставалась «мужским делом» [Heyder, Rosenholm 2002: 57]. Нигде неоднозначность культурной роли женщин не проявлялась ярче, чем в тех случаях, когда они сами брались за перо. От них ожидалось, что они будут писать *по-женски*, вносить свой вклад в «нравственное совершенствование нации», а не сочинять для собственного удовольствия или преследовать собственные цели, что пристало лишь мужчинам [там же: 61]; [Rosslyn 2000: 413]. И все же в этот период немало женщин впервые пробились в печать. Они переводили с иностранных языков, писали собственную прозу или, чаще, стихи. Отстаивая свое право на творчество, женщины брали на себя традиционные роли, и прежде всего – обязанность нравственного воспитания семьи и нации. Большинство сочинительниц отметилось в печати лишь мимолетно, однако некоторые, например княгиня Екатерина Сергеевна Урусова (1747 – после 1817), выпустили значительное количество произведений. Реагируя на беспокойство публики, вызванное появлением писательниц, Урусова в своих ранних стихах горячо отстаивала цивилизующую силу женщин и любви в русской культуре и, как следствие, важность женщин в обществе. Без любви и без женщин, настаивала Урусова, невозможны ни цивилизация, ни просвещение [Vowles 1994: 45–47].

Обратная реакция

При всей неоднозначности роли женщин в обществе даже ее статус-кво вызывал тревогу у некоторых современников. Всё сильнее беспокоящиеся о негативных последствиях западного влияния, писатели стали относить беспрецедентную свободу женщин и их присутствие в общественной жизни к числу самых пагубных последствий вестернизации. Их возмущение присутствием женщин в обществе зачастую носило откровенно сексуализированный характер. Они разделяли допетровские опасения по поводу «женской чести», связывая ее сохранение с сохранением уже не только чести семьи, но и самой русскости. Николай Новиков видел в феминизации литературного языка его упадок. Женский язык был «монетой вестернизированного общества, испорченного легкомыслием и модой, любовными интригами и пренебрежением к русским манерам и нравам» [там же: 35–38].

По мнению Новикова и других, образованные женщины рисковали стать *денди*, что ассоциировалось с пороком и развратом. Женское образование считалось допустимым лишь постольку, поскольку оно готовило к роли добродетельной жены и матери. Консервативно настроенный князь М. М. Щербатов видел в якобы чрезмерной сексуальной свободе женщин причину упадка общественной морали. Громкий обличитель придворной культуры конца XVIII века, Щерба-

тов в своей книге «О повреждении нравов в России» (1787) возмущался развращенностью императриц, их привычкой к роскоши и тем, что они, с его точки зрения, поощряли сексуальную распущенность. «С презрением стыда и благопристойности, иже сочиняет единую из главнейших добродетелей жен», благородные дамы стали безнаказанно нарушать святость брака. По мнению Щербатова, Россия страдала от эпидемии разводов в силу того, что жены бросали мужей и заводили любовников [Щербатов 2011]. Александр Радищев, которого часто считают первым русским радикалом, расхворился со Щербатовым во мнениях по многим вопросам, но в этом случае вторил ему, хоть и в ином тоне. В своем «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) Радищев обвиняет дворянок в стремлении «иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает» [Радищев 1990].

Такая реакция отражала перемены, происходившие во Франции; а именно она служила образцом для интеллектуальной элиты России. Там в это время идеалы просвещения, предполагающие участие женщин в интеллектуальной жизни, уступили место взглядам, сформулированным, в частности, Ж.-Ж. Руссо, который настаивал, что призвание женщины состоит исключительно в семье. Такой сдвиг общественной мысли усложнял процесс самооценки женщин и восприятие ими собственных достижений в публичной сфере. Ека-

терина Дашкова была эрудированной и образованной личностью. Она много путешествовала, была знакома со многими выдающимися деятелями своего времени – как мужчинами, так и женщинами. При этом ее мемуары, написанные в начале XIX века, когда акцент резко сместился с интеллектуальных устремлений женщин к их роли жен и матерей, отражают ее непростые отношения со своей общественной ролью и личным выбором. Когда Екатерина Великая предложила Дашковой возглавить Академию наук, первым побуждением княгини было отказаться. «Сам Господь, создавая меня женщиной, тем самым освободил меня от должности директора Академии наук», – писала она в так и не отправленном письме к императрице [Дашкова 2001]. Рассказы о своих достижениях Дашкова перемежает самоуничижительными пассажами и то и дело подчеркивает, что многие из своих действий, включая длительное пребывание в Европе, предприняла «с особой целью – воспитанием детей» [Дашкова 2001].

Брачные узы к концу XVIII века тоже стали жестче. Весь XVIII век Русская православная церковь неуклонно укрепляла свою власть в сфере браков и разводов и становилась все искуснее в управлении делами и ведении документации. Систематизируя законы, регулирующие брак и его аннулирование, Церковь как никогда прежде подчеркивала его сакральную природу и нерасторжимость. В результате для прихожан Русской православной церкви, то есть для большинства населения, развод стал чрезвычайно затруднен. Число

оснований для расторжения брака сократилось, а на практике их стало еще меньше. Развод стал возможен лишь в случае супружеской неверности (желательно подтвержденной свидетелями), ухода из семьи, ссылки в Сибирь по приговору суда за уголовное преступление или длительной импотенции, возникшей до брака и подтвержденной медицинским освидетельствованием [Freeze 1990: 709–746]. Брачное право также строго запрещало любые действия, ведущие к разлучению супругов. Женщина больше не имела возможности спастись от насильственного или несчастливого брака, получив развод, и даже просто уйти от мужа без доказательств, что он отпускает ее по доброй воле, было очень трудно.

Новая семейственность

Новое возвышение семейственности было гораздо легче примирить с русскими традициями, чем видимость женщин в политической и культурной жизни. Книги и статьи, пропагандирующие семейственность, широко распространялись среди читающей публики. К середине правления Екатерины эта публика была уже достаточно многочисленной, чтобы практически любая книга, выходящая на Западе, нашла своего покупателя и в России. Журналы, предназначенные для девушек, учили их быть набожными и непорочными, держать в узде свои интеллектуальные стремления и уделять основное внимание домашним заботам. Особый ин-

терес россиян вызывали произведения, посвященные детству и педагогике. Заграничные книги взысканий и поощрений (кондуиты) и руководства по воспитанию предлагали новую концепцию материнства. В противовес приземленному и практическому его пониманию, преобладавшему ранее среди русского дворянства, эти произведения прославляли святость материнства и призывали матерей быть моральными и духовными наставницами своим детям¹². Подобная литература и в других отношениях предлагала новый взгляд на роли женщин в семье. Возвышая роль матерей, она, при всем подчеркивании нового значения частной и семейной жизни, предполагала более равноправные отношения между мужьями и женами, родителями и детьми.

Растущая популярность сентиментальной литературы также способствовала такому переосмыслению. Женщина представала в изображении писателей-сентименталистов чувствительной, эмоциональной, способной стать другом мужчине, за которого выходила замуж. Любовь и дружба теперь были связаны почти неразрывно, что нашло отражение в этих стихах Николая Карамзина:

Любовь тогда лишь нам полезна,
Как с милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда с любовью равна [Карамзин 1984].

¹² См. [Greene 1998: 84–87]; [Kelly 2001: 28].

На рубеже веков идеал чувствительной жены, пропагандируемый сентиментальной литературой конца XVIII века, стал чрезвычайно популярен в некоторых провинциальных кругах¹³.

Интеллектуальные тенденции, идущие с Запада, повлияли и на отношение к браку русского православия. Церковь тоже стала делать акцент на эмоциональной связи супругов и их взаимной ответственности друг перед другом, смягчив – хотя и не искоренив – патриархальные и мизогинные положения своей прежней позиции. По мнению православных писателей, супругам надлежало относиться друг к другу с уважением, терпимостью и готовностью прощать. Супружеская верность требовалась не только от жен, но и от мужей. В то же время церковное учение четко разграничивало мужские и женские обязанности. Мужчины, чья роль состояла в том, чтобы материально обеспечивать семью и представлять ее в общественной жизни, предназначались, помимо семьи, для «общества за пределами семейного круга», тогда как роль женщин заключалась исключительно в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства¹⁴. Церковь, как и государство, провозглашала женщину нравственным центром семьи.

Соответственно были пересмотрены и цели женского об-

¹³ См. [Glagoleva 2000].

¹⁴ См. [Wagner 1994: 76].

разования. После смерти Екатерины в 1796 году контроль над ним перешел в руки императрицы Марии Федоровны – сначала как жены Павла I, а затем как вдовствующей императрицы и матери Александра I и Николая I. Мария Федоровна, которой было всего 42 года, когда умер ее муж, сделалась главной фигурой при Императорском дворе. Придерживаясь сентименталистских представлений о семейной жизни и супружеской любви, Мария пыталась внушить эти идеи своим детям и широкой публике. Ее воззрения отразились в инструкциях для руководителей и воспитанниц Смольного института, опекушкой которого она стала. В 1804 году, например, она советовала выпускницам Смольного быть послушными и почтительными дочерьми; верными, добродетельными и скромными женами; заботливыми матерями и добросовестными хозяйками. Подчеркивая необходимость религиозного и нравственного воспитания, Мария призывала выпускниц Смольного искать утешения и довольства лишь в себе самих и в своих семьях. Жизнь в Смольном стала больше напоминать монашескую; почти все мероприятия, связанные с присутствием воспитанниц в обществе, были отменены.

Таким образом, к началу XIX века в вопросе о семейном предназначении женщины среди образованной элиты царил, по всей видимости, поразительное единодушие. Оно объединяло и тех, кто по большинству других вопросов расходился во мнениях. Сергей Глинка, консервативный против-

ник Французской революции и всего, что она олицетворяла, считал, что лишь семейная жизнь может принести женщине настоящее счастье. Матери он отводил важнейшую роль воспитания добродетельных граждан для Отечества¹⁵. Декабристы, вдохновленные теми самыми французскими революционными идеалами, с которыми пытался бороться Глинка, были при этом полностью согласны с его мнением о надлежащем месте женщин. Декабристы, выходцы из дворянских семей, получили свое прозвище от того дня (14 декабря 1825 года), когда организовали неудавшееся восстание против Николая I. Бунтовщики стремились установить в некотором роде представительное правление и конституционный строй, из которого женщин недвусмысленно исключали. Женщина, согласно проекту конституции Никиты Муравьева, члена более умеренного Северного тайного общества, не только не являлась субъектом политических прав, но ей даже запрещалось присутствовать на открытых заседаниях высшего законодательного органа: «Женщинам несовершеннолетним всегда возбраняется вход в Палаты» [Engel 2000: 18]. Вместо этого в качестве основной роли женщине отводилось воспитание детей в соответствии с принципами добродетели и веры.

¹⁵ См. [Martin 1998: 39].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.